

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛИК РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В.И. СПИРИДОНОВА

Гипнотическая имплантация в коллективное сознание такого «мегаобраза» современного мира, как «модернизация» в качестве безусловно прогрессивного затемняет сущностную связь этого понятия с конкретным пространственно-временным явлением **европейского** модерна. Модернизация воспринимается как часть общеэволюционного процесса, игнорируются отличия в исходных посылах европейского **культурного** «проекта модерна» и российского бытия. Однако именно эти коренные расхождения составляют реальные препятствия на пути преобразования российской современности.

Главная черта европейского проекта модерна – объективация структур разума, реализация принципа рациональности в повседневности. Центральное достижение этого проекта состоит в том, что он сформировал особый род субъекта – рационально-волевого субъекта. Его определяющими особенностями стали, прежде всего, индивидуализм и автономия действия. Именно они видятся как субстанциальная основа государства. Однако претензии на своеобразие в структуре такого субъекта тесно сопряжены с добровольной ответственностью за то, что он делает. Моральные понятия эпохи модерна основаны на праве отдельного человека делать то, что он должен, однако при обязательном исполнении требования преследовать свое особенное благо только в согласии с благом всех других. И если государство и общество превращаются в модерне в соответствующие воплощения принципа субъективности, то они не превращаются в анархическую мозаику самопроизвольных действий враждебно настроенных и непримиримых субъектов. Сохраняется глубокая интегрированность общества, основой которой становятся структуры разума. Рационален субъект, включенный в общее целое на основе глубоко интериоризированного понятия долга. Рационально действие субъекта, базирующееся на крепком фундаменте интериоризированного понятия закона. Европейский субъект к концу эпохи модерна достигает, таким образом, точки соответствия веберовской целерациональности.

Что же касается российской действительности, то к настоящему времени мы имеем практически полное отступление от описан-

ной европейской «культуры модерна» как на уровне автономных индивидуальных действий, так и в плане ответственности управляющих и консолидации общества в целом.

Для успешной трансформации социума необходимо осознать существенное различие между модерном как парадигмой и модернизацией и не обольщаться относительно «данайских» даров последней. Модернизация не есть вхождение в модерн, в европейскую цивилизацию модерна. Дело в том, что с модернизацией транслируются вовсе не культурные основания европейских достижений. Да это и невозможно, ведь они суть результат, органически выросший из аутентичной европейской ментальности, на что справедливо указывал еще М. Вебер. Транспортируются **конечные продукты** многовековой внутренней работы стран Запада – права человека, концепция гражданского общества, парламентаризм.

Несмотря на внешнюю сопричастность подобных категорий общим гуманистическим основаниям человеческого сообщества, каждое конкретное социальное пространство созидает особые формулы их воплощения в реальность, нередко значительно смещая акценты. Так, в российском контексте более адекватно воспринимается идея **человеческого достоинства как первичный принцип** и фундаментальное основание прав человека. Ведь именно в России в начале XX в. родилась идея и оформилась концепция «права на достойное человеческое существование»¹. Российские неолибералы-социалисты тем самым вышли за рамки классического европейского либерализма (с его абсолютизацией идеала свободы), выступая за либерализм нравственный, либерализм социально ответственный, т.е. не формально, а реально озабоченный общим благом и интересами всего народа².

Классическая либеральная идея «правового государства» формально признавала приоритет права над нравственностью. Для российского неолиберализма характерна была возвышенная вера в человеческую личность. Распространено было понимание права не столько как порождения силы, сколько как выражения справедливости. Это привело к тому, что сам закон стал рассматриваться не только с социально-политической, но и намного более – с духовно-культурной, нравственной точки зрения.

Именно российские неолибералы в самом начале XX в. посчитали, что в демократических декларациях как символах веры нового правосознания не достает заботы о материальных условиях свободы, без которых последняя может остаться пустым звуком, недостижимым благом, необеспеченной средствами

юридической формальностью, которая недоступна и не реализуется фактически.

Такой **этический** ракурс российского либерализма предопределил дальнейшее развитие теории демократического государства в направлении созидания «социального государства» в европейских странах.

Последствия указанного смещения акцентов очевидны. Приоритет принципа достоинства человека никак не мог обернуться тем моральным и физическим беспределом, к которому привело распространение в современной России исторически непревзойденного и анархически понятого концепта прав человека.

Сходная ситуация сложилась и в отношении другого понятия — «гражданское общество». Ядром организации духовно и душевно комфортного человеческого общежития должна быть **идея уважения людей друг к другу**. Однако эпоха «перестройки» конца XX в. ознаменовалась переносом готового европейского лозунга. При этом формула «гражданское общество» в России совершенно не ясна, поскольку отсутствует центральный актор такого общества — ответственный, законопослушный гражданин, пекущийся об общественном благе. В таком социальном контексте совершенно естественными стали распад социума и анархическое сосуществование одиночек, живущих по закону городских джунглей или по понятиям уголовного мира под контролем мафиозных структур. Вместо желанной реализации гражданской свободы мы получили бесправие слабого и всевластие коррупционера, главенство грубой силы и «воров в законе». Вместо утверждения «священного права собственности» мы имеем социальную обособленность, замкнутость, замешанные на страхе, и агрессивный имущественный передел.

Все это заставляет нас вернуться в исходную точку и переосмыслить сами принципы инициации социальных новаций. Очевидно, радикальные гуманистические «идеи» суть всего лишь «закваска», которая должна принести различные плоды в разных культурах. Результат «брожения» всегда зависит от состава теста. Конкретные формы социальных преобразований на основе глубинных гуманистических идей достоинства человека, взаимоуважения и духовного общения дают разные всходы в зависимости от той культурно-исторической почвы, в которую падают зерна этих идей.

Заметим, что модернизация прошла успешно в Японии и, возможно, станет результативной в Китае. Но это именно такие стра-

ны, в которых была крепка и монолитна сложившаяся веками и «не поддавшаяся на обман» собственная национально-культурная идентичность, в которых чувство национальной исключительности уходило корнями в многовековую культуру.

Социально-философские и естественно-природные основания революционных потрясений

Философской основой «проекта модерн» на Западе были идеи Просвещения, главной из которых обычно называют концепт прогресса. Последний развертывается преимущественно в координате времени. Недаром экономико-финансовой квинтэссенцией эпохи капитализма стал лозунг: «Время – деньги». Над Россией же довлеет идея пространства, необъятности и обширности ее просторов. Благодаря своей природной весомости идея эта вступает в определенный конфликт с категорией времени, которая главенствует в европейском коллективном сознании. Развернувшись до горизонта, естественного предела, формируя простор для созерцательности, российская огромность завораживает человека и позволяет ему расслабиться. И, как поется в известной песне, прилечь возле старой дороги, свободно раскинув руки, «головой на пригорок, на высокий курган... а ногами – в долину, пусть накроет туман»³.

Вот тут-то и врывается в судьбу страны, народа и государства вектор времени, императив модерна, приносимый западными ветрами, буквально потрясая и взрывая всю ее социальную структуру. Наступают эпохи революций, переворотов и перестроек. При этом важно заметить, что не люди владеют временем, а оно господствует над ними. Гениальный А. Платонов тонко чувствует и на грани кощунства по отношению к человеческой духовности формулирует этот императив: «...дети – это время, созревающее в свежем теле...»⁴. Таков метафизический лейтмотив российских революций. Стремясь наверстать упущенное, обогнать время, революционные прорывы жертвуют целыми поколениями, делая ставку на новое племя, которому суждено воплотить в жизнь, реализовать очередную модель прогресса.

Исторически такая формула повторялась неоднократно. И каждый раз она теснейшим образом коррелировалась с влиянием иноземных идей. Отрефлексированное современной западной философией рождение модерна датируется XVI веком. Именно под влиянием этого феномена, с небольшим временным лагом, Россию накрывает первая волна крутой модернизации. Она

воплощается в деяниях Петра и инициирована энергетикой западных перемен и достижений западного прогресса. Совершив прорыв, наверстав упущенное время, народ вновь погружается в летаргию до следующего толчка — революции начала XX века, которая, в конечном счете, заставляет страну войти в эпоху (временная категория) бурной индустриализации. Ей сопутствует европейская формула промышленной, научной, культурной и социальной революции. Рекорды и подвиги вновь позволяют преодолеть временное отставание, и на смену им приходит отдохновение застоя. И, наконец, недавняя попытка «прорыва» в европейский модерн, «ускорение» конца XX века совпадает с закатом или завершающимся этапом «проекта модерн», переходом его в новое качество — качество постмодерна.

Эти три прорыва европейского модерна в российское пространство не органичны для последнего настолько, насколько сам проект прогресса органичен для Европы. Копируя западные образцы, российские лидеры не задумывались над тем, что фундаментом технической стороны модерна был «культурный модерн» — специфические для Запада ценности и модели поведения, которые, собственно, только и позволяли реально воплотить в жизнь шокирующие нас сегодня экономические и социально-правовые достижения. «Советская власть сильна, а здешняя машина тшедушна, она и не угождает...»⁵, — говорит один из персонажей А. Платонова. И потому спешно и неумело «ломаю вековой грунт», не осознав особенностей именно российского «старинного природного устройства», мы реализуем чужую схему и оказываемся в ситуации, когда «время всю пользу съест» (по выражению того же А. Платонова). Но тогда уж, подобно одному из действующих лиц названного романа, нам впору будет чинить лапти, «собираясь отправляться в них обратно в старину»⁶, к истокам нашей традиции, чтобы выстроить свой, органичный вариант модерна.

Все три «попытки прорыва» России в модерн недаром обозначаются в нашей литературе как этапы модернизации. И это крайне существенно, потому что *общественная модернизация* отлична от импульсов *культурного* модерна. Доктрина модернизации разрывает внутренние связи между модерном и историческим контекстом западного рационализма. Теория модернизации отделяет модерн от его истоков — Европы Нового времени, стилизует как образец для социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении, замечает Ю. Хабермас⁷. Неорганичность заимствования приводит к тому, что в эпохи

переворотов повторяется психологическая ситуация пореволюционного времени начала XX в. Время «прорыва» России в общество европейского модерна одновременно воспринималось тогда национальным коллективным бессознательным как потеря себя, утрата чего-то центрального, сакрально-ценного в своем бытии. Это характерным образом отражено в прозе того периода. В повести «Котлован» человек, строя и созидая заветное «светлое будущее» (т.е. общество Модерна: для Запада оно – настоящее, для России – будущее), фактически и актуально живет, как пишет А. Платонов, «мимо смысла». Он активно включен в деятельность, безмерно социально ангажирован, но он не становится гражданином, не воспринимается позитивно по-аристотелевски как «политическое животное». Напротив, он, как выражается один из героев повести, «живет благодаря одному рождению»⁸.

Для России, которая прямодушно и открыто стремится приладить социально-политические новации европейского модерна на своей отнюдь не европейской культурной почве, эта операция смерти подобна. Недаром предреволюционная духовная атмосфера в стране в начале XX в. была пронизана веяниями разложения и смерти. Скрещивание с идущими с Запада «новыми настроениями» рождает упоение, зачарованность смертью, отчаянием и небытием у Л. Андреева, И. Бунина, А. Блока, М. Горького и др. Все это было, как замечает Д.П. Святополк-Мирский, предвещением и отражением смерти исторической, смерти культурного тела, рожденных утратой чувства ценности унаследованной культуры. Предчувствие ее в русской литературе 1894 – 1917 гг. было подобно физиологическому предчувствию физической смерти⁹. Импульс коллективного подсознания очевиден: принять европейский проект равноценно отказу от подлинного бытия, от традиции, от национальной родословной.

Важен сам подход к восприятию российским общественным сознанием западных ценностей. С одной стороны, российское сознание оказывается ошеломленным достижениями Запада и желает приобрести их немедленно и в полное пользование, «все и сразу». С другой стороны, оно остается закрытым сознанием в плане впитывания самой матрицы достижения, созидания этих объектов. Другими словами, весь процесс, который предшествует и приводит к созданию продуктов западной цивилизации, выносится «за скобки», а живейший интерес проявляется только к конкретным финальным результатам работы этой цивилизации. Российский индивид приходит «на готовенькое». Последствия

такого явления не заставляют себя ждать. Человек превращается в имманентно развращенного потребителя, который не только не ценит сам труд, но и не заинтересован в том, чтобы перенять или воспринять этические или аксиологические основания трудового процесса. Извращенный вид приобретает гносеологическая картина заимствования. С одной стороны, индивид «нового разлива» стремится полностью слиться с обожаемым образцом и теряет свои собственные, традиционные для него, импульсы и мотивы производства в узком и широком смысле слова. С другой стороны, получив «готовенькое», он упорствует, костенеет в своем нежелании делать какие-либо усилия для собственного развития и изменения трудового процесса. Итог печален. Российский человек оказывается одновременно ненужным нахлебником и целиком зависимым некритически мыслящим нетрудовым субъектом.

Революционное бытие как социально-психологическая реальность

Недооценка культурного своеобразия как фундамента преобразований ведет к тому, что вместо ожидаемого «рая», земного благополучия мы оказываемся в анти-реальности. Революционные эпохи – это периоды переворотов в прямом смысле слова, когда опрокидывается предшествующий порядок. В невероятных масштабах идет «распушение» народа, которое принимает вид так называемого *анти-поведения*, т.е. поведения, сознательно нарушающего принятые социальные нормы: сквернословие, вызывающие одежды, распространение культов, шокирующих общественную нравственность.

Анти-поведение как специфическое явление имело место и в устойчивые эпохи русской жизни, но тогда оно локализовалось во времени и связывалось с сохранением определенных языческих форм поведения. Очень часто оно имело ритуальный, магический характер и соотносилось с календарным циклом. Например, на святки, на масленицу, в купальские дни анти-поведение, или обратное поведение, «поведение наоборот» признавалось уместным и даже оправданным, практически неизбежным¹⁰. В остальные же периоды жизненного цикла народное бытие характеризовалось строгой табуированностью обценной лексики – табуированностью, специфичной для русской культуры.

Важно то, что ненормативное поведение ни при каких обстоятельствах не приобретало самостоятельного ценностного статуса. Оно всегда воспринималось как нарушение принятых норм. Так,

участники святочных и масленичных обрядов осознавали свои поступки как греховные, за ними обязательно следовало покаяние и очищение. По окончании святок участники святочного обряда должны были искупаться в проруби и тем самым искупить свою вину. Все это говорит о том, что в «мирные» периоды четко осознавалась принадлежность «неправильного» поведения к сфере запретного и антиобщественного. Другими словами, допущение такого рода поступков строго регламентировалось в повседневной жизни и никоим образом не делало их *нормой* поведения.

Но самое интересное – это то, что по своему глубинному архаическому смыслу анти-поведение представляло собой заклятие потустороннего мира, который виделся как обратный миру здешнему, как мир с противоположной ориентацией¹¹. Считалось, что все то, что в этом мире аморально, в загробном мире принимает моральные формы. И вот теперь мы наблюдаем, что в переломные эпохи, когда жизнь *переворачивается*, антиповедение становится настолько широко распространенным, что практически обретает императивный характер, становится именно *нормой*. Это рождает страшную символику, ибо наводит на мысль, что сам период переворотов тождествен небытию, смерти, нисхождению в низший мир, мир зла и кощунства, мир анти-человека.

Если проникать далее в мифологику антиповедения, то нельзя не упомянуть о такой стороне проблемы, которая связана с характерной для древнерусской культуры оценкой локуса, географического пространства в *нравственных* категориях. Как показывает Б.А. Успенский, имела место дифференциация пространства на чистое и нечистое как соответствующие раю и аду. Те или иные земли воспринимались как праведные или грешные. Эти представления нашли отражение в многочисленных поверьях о «Рахманском царстве», «Беловодском царстве», «Опонском царстве», с одной стороны. С другой стороны, чужие земли, которые населяли иноверцы, назывались на Руси «заморскими» странами: не только Англия (действительно отделенная от России водной границей), но и, например, Германия или Франция могли обозначаться таким образом. Они назывались так не потому, что реально находились за морем, но прежде всего потому, что они ассоциировались с потусторонним миром.

По архаическим представлениям, широко распространенным и весьма устойчивым, потусторонний мир отделялся от нашего, посюстороннего мира, водным пространством, и путешествие на

тот свет мыслилось именно как преодоление этого пространства¹². Аксиологическое отношение к такого рода мирам в народном сознании было негативным. В связи с этим в русском языке символична этимология русского слова «Запад». Оно отражает «представление о Западе как о том месте, что находится *сзади*, в неправильном месте...»¹³.

Исторически все российские перевороты провоцировались влияниями или идеями, приходившими из этих заморских пределов. Но в таком пространстве оправданными считались некоторые элементы антиповедения, как единственно возможные в нечистых странах. Перевернутость поведения проявлялась, среди прочего, в подчеркнуто неправильном речевом поведении. Считалось, что греховность места и ситуации обуславливала применение заведомо неправильного, «нечистого» языка при изложении событий и впечатлений. В частности, употреблялась странная смесь русского с татарским, персидским или арабским. В этой связи нельзя не вспомнить, что сегодня, наряду с широким распространением обычной лексики, имеет место появление в мире Интернета так называемого *олбанского языка* – нарочитого коверкания правописания и правильной устной речи.

В соответствии с матрицей мифа, входя в контакт с потусторонним миром, нужно вести себя по его законам. Масштабы потрясений в периоды революций порождают экспансию антиповедения. При этом сакральный смысл антиповедения вырождается. Оно приобретает ритуальный характер, когда сохраняется только функция, а фундаментальное обоснование исчезает.

Приобщение к перевернутому миру по традиции осмысливалось как приобщение к «кромешному», потустороннему или бесовскому. При утрате сакральности смысла «бесовского» сама функция бесовщины и ее масштабы в условиях революции разрастаются. При этом в российской ситуации прослеживается дифференциация мотиваций антиповедения для двух социальных мегагрупп – «верхов» и «низов».

Для «низов» характерно отрицание мира, где нарушен порядок, который ассоциируется со справедливостью. Несправедливый мир – это в сакральном смысле грешный мир. Традиционно, исторически «безмолствующий народ», соответственно, в невысказанной форме полагает оправданным свое антиповедение – ведь оно обличает неправду этого мира. Пусть и неосознанно, но нарочитое антиповедение демонстрирует бунт против «новых порядков» этого мира, решительный отказ подчиняться существую-

шему псевдопорядку. Что касается «верхов», элиты, то в периоды революций она, напротив, видится как осознанно спознавшаяся с нечистой силой, заигрывающая с ней. Коварный исторический путь формирования российской элиты через насильственный отказ от родовой идентичности сделал легким ее отрыв от сакрального начала и обращение к бесовскому.

Революция, с точки зрения социальной и антропологической, есть не только нарушение порядка, его опрокидывание, но и выход за «предел» — понятие едва ли не центральное в понимании социально-психологического типа русского национального характера.

В социальном плане «запредельность» выражается прежде всего в криминализации всех сфер общественной жизни, начиная с грубых форм передела зон влияния, «разборок», «стрелок», рэкета, рейдерства и т.п. до немислимых масштабов коррупции во всех эшелонах власти. Суть и глубинная подоплека всех видов «беспредела» — нарушение баланса отношений индивида к смерти, которая является высшей и конечной инстанцией и судьей во всех человеческих спорах и разногласиях. Дело в том, что меняется само восприятие факта смерти. Вместо ужаса, который человек бессознательно испытывает и должен испытывать перед ней, распространяется ее интерпретация как обыденности.

В одном телевизионном интервью речь шла о психологии бандита. Выяснилось, что в реальности эти люди ведут беседу, как и все другие, они не используют устрашающих интонаций, не проявляют кошмарных эмоций. Вся сила их воздействия кроется в том, что смерть для них — это повседневная деталь, далеко не самая важная в ряду других. Но собственно это и есть «беспредел», ибо они выходят за пределы того, на чем строится весь социум и вся человеческая экзистенция. Остается добавить только, что особенности русского характера таковы, что русские переходят эту грань легче, чем другие. В этом и проявляется их склонность к лиминальности.

Проблема грядущего развития России, очевидно, заключается в четком осознании недостаточности технологического импульса модернизации. Как показала современная история, он ведет лишь к транспортировке «конечных продуктов» технического прогресса и не способен породить ничего, кроме потерянного поколения-Perși, поколения без нравственного смысла жизни и больших идеалов. Проблема для России сегодня состоит в том, чтобы

конкретный исторический вызов стал для нее и для ее народа не очередным эталоном, поворотом моды, преходящей установкой, а масштабным **историческим заданием**.

Историческое величие Владимира Святого состояло в том, что он поставил перед Россией колоссальное историческое нравственное задание – новое рождение переосмысленной православной традиции. Неоспоримая позитивность весьма неоднозначной фигуры Петра Великого возникает из успешного осуществления грандиозной исторической имперской задачи государственного строительства, на исполнение которой он поднял страну. Если выражаться в рамках современной терминологии геополитики, то его деяния были воплощением идеи российского «большого пространства». Наконец, нынешние горячие споры вокруг имени И. Сталина, несомненно, проистекают из того, что он создал мощнейший мобилизационный импульс, приведший к реализации исторически своеобразного варианта новой общественной модели – модели социального государства. Идея эта предстает ныне как одно из выдающихся достижений современного мирового цивилизационного развития. Мы стоим перед монументальной загадкой и одновременно задачей – осознать и сформулировать новое историческое задание России. Контур его только начинают вырисовываться. Ясно одно – оно должно оформиться, в первую очередь, как особый **нравственный императив** для власти и общества в целом.

Сегодня для России важно понять глубокую разницу между имитационной гонкой за технологическими успехами и творческим созданием собственной неповторимой культурной модели развития. Ориентация на инородные культурные образцы – «ex Oriente lux» (свет с Востока) или же «ex Occidente lux» (свет с Запада), как отмечает Б.А. Успенский, является особенностью отечественного развития¹⁶. Однако чужой культурный эталон, функционирующий вне историко-культурного контекста, его породившего, превращает проблему развития – проблему старого и нового – в проблему «своего» и «чужого». Такова специфическая российская диалектика. Очевидно, она может стать плодотворной только в одном случае: когда чужеродные ценности, иностранные концептуальные схемы будут творчески переработаны, получают новое наполнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Общественные науки и современность. 1993. № 5.

² См.: *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. – С. 29; *Новикова Л., Сиземская И.* Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5; *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6.

⁵ *Платонов А.* Котлован // Новый мир. 1987. № 6. – С. 54.

⁶ Там же. – С. 75.

⁷ Там же. – С. 58, 75.

⁹ См.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. – М., 2003. – С. 8.

¹⁰ *Платонов А.* Котлован. – С. 51.

¹¹ См.: *Святополк-Мирский Д.П.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Русский узел евразийства. – М., 1997. – С. 359.

¹² См.: *Успенский Б.А.* «Заветные сказки» А.Н. Афанасьева // *Успенский Б.А.* Избр. труды. В 2 т. Т. 2. – М., 1994. – С. 165.

¹³ Считалось, что «тот» мир – это мир с обратными, противоположными, по сравнению с нашим миром, связями. Бытовало мнение, что на том свете все наоборот, т.е. то, что здесь является правым, там оказывается левым, верх соответствует низу и т.д. и т.п. Это отражалось как в верованиях, так и в обрядах, прежде всего, в похоронных. Например, к покойнику принято было прикасаться лишь левой рукой, одежда на нем застегивалась обратным, по сравнению с обычным образом, траурное платье выворачивалось наизнанку, предметы переворачивались вверх дном и т.п.

¹⁴ См.: *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // *Успенский Б.А.* Избр. труды. В 2 т. Т. 1. – М., 1994. – С. 382, 385.

¹⁵ *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре древней Руси // *Успенский Б.А.* Избр. труды. В 2 т. Т. 1. – С. 475.

¹⁶ См.: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). – М., 1998. – С. 5.

Аннотация

Популярность термина «модернизация» затушевывает различие между понятием **общественной** модернизации и европейскими **культурными** основаниями проекта модерна. Однако именно это расхождение составляет основу неудач на поприще успешной трансформации российского социума.

Ключевые слова:

модернизация, проект модерн, революция, государство, жизнеспособность, нравственность, национально-культурная идентичность.

Summary

The popularity of the term «modernization» hide the difference between the concept of social modernization and cultural grounds of the European modern project. But this very difference is a ground of failures in the successful transformation of the Russian society.

Keywords:

modernization, modern project, revolution, state, viability, morality, national-cultural identity.